

Раздел 1. Теория политической лингвистики

УДК 81'38

ББК Ш105.551.5

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.04, 10.02.19

С. В. Иванова **S. V. Ivanova**
З. З. Чанышева **Z. Z. Chanyшева**
 Уфа, Россия Ufa, Russia

**ТЕХНОЛОГИИ ДИСКУРСИВНОГО
ОФОРМЛЕНИЯ СЛУХОВ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
МАССМЕДИА**

Аннотация. Рассматриваются дискурсивные практики внедрения неподтвержденной информации в массмедийный политический дискурс. Данные практики базируются на ресурсах языка и речи (грамматический, лексический уровни языковой системы, графическая система), особенностях реализации текстовых категорий информативности и модальности. Кроме того, оказываются задействованными жанровые ресурсы новостного дискурса массмедиа. В целом дискурс, использующий дискурсивные практики, в которых оказывается задействована неverified информация, предлагается называть анонимным.

Ключевые слова: слухи; технологии воздействия; дискурсивные практики; политический дискурс; СМИ.

Сведения об авторе: Иванова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Башкирский государственный университет.

Контактная информация: 450074, г. Уфа, ул. Коммунистическая, д. 19, к. 8.
e-mail: svet_victoria@mail.ru.

Сведения об авторе: Чанышева Зулфира Закиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Башкирский государственный университет.

Контактная информация: 450074, г. Уфа, ул. Коммунистическая, д. 19, к. 8.
e-mail: chanyshevazz@yandex.ru.

**RUMOR INTRODUCING
DISCURSIVE TECHNOLOGIES
IN MASS MEDIA
POLITICAL DISCOURSE**

Abstract. The article is devoted to discursive practices of introducing unverified information in mass media political discourse. These practices are based on language and speech resources (grammatical and lexical strata of the language system, graphic level of speech representation), on the peculiarities of the realization of textual categories of informativeness and modality. Besides genre features of news articles are also exploited. On the whole, the discourse making use of the techniques drawing upon unverified information is defined as anonymous.

Key words: rumors; persuasion technologies; discursive practices; political discourse; mass media.

About the author: Ivanova Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of English Philology and Intercultural Communication.

Place of employment: Bashkir State University.

About the author: Chanyшева Zulfira Zakievna, Doctor of Philology, English Philology and Intercultural Communication Department, Professor.

Place of employment: Bashkir State University.

Сегодня не возникает сомнений относительно технологичности современной политической, а равно и массмедийной коммуникации. Исследователи отмечают, что технологичность политической коммуникации в СМИ реализуется по нескольким линиям: осуществление воздействия, манипулирование сознанием адресата, субъективизация подачи фактов (в данном случае под субъективизацией понимается скрытое введение авторского личностного отношения в материалы, которые должны быть лишены субъективной оценки (например, жесткая новость), или имплицитная передача оценки, когда эксплицитно автор заявляет о желании оставаться объективно беспристрастным [Иванова, Сподарец 2010: 72]), языковая иг-

ра в использовании вербальных и невербальных средств. При этом технологичность предполагает осознанное «использование совокупности языковых средств речевой манипуляции для целенаправленного управления восприятием действительности массовой аудиторией» [Иванова 2008: 30]. Представляется, что одной из важных технологий, задействованных в политическом дискурсе, является такая подача неподтвержденной или, иными словами, непроверенной, недостоверной, неverified информации, которая заставляет читателя поверить ей.

Наблюдение над эмпирическим материалом показывает, что в настоящее время специалисты по медийной политической

коммуникации отличаются большой изобретательностью в выборе форм языковой упаковки и искусностью в части отбора заведомо ложной и отсева нежелательной информации, что ставит перед вдумчивым читателем или исследователем проблему определения степени достоверности сообщаемых данных. Усилению произвола в обращении с фактами способствует и определенная ревизия традиционной семиотики, в результате чего на первый план выносятся не отношения в диаде «автор — текст», а отношения «автор — аудитория», которой продуцируемый текст адресован.

Судя по медийным публикациям, дискурсивная практика постоянно подталкивает авторов совершенствоваться и находить более эффективные инструменты камуфлирования недостоверных сведений, чтобы не быть уличенными и обвиненными в явной лжи. Одним из наиболее популярных видов непроверенной информации являются слухи, реализующие в средствах массовой коммуникации анонимную информацию. Лингвистический подход к данному жанру политической коммуникации нацелен на исследование национально-культурного потенциала языкового оформления анонимных сведений, на которые удобно ссылаться, используя ресурсы конкретного языка, что позволяет снимать ответственность за их истинность. Проявление указанной тенденции в СМИ, по нашим наблюдениям, стало характерной приметой не только так называемых таблоидов, но и тех англоязычных периодических изданий, которые традиционно принято относить к качественной широкополосной прессе. В содержательном плане это рождает проблему идентификации так называемой непроверенной, а зачастую и ложной информации, что требует необходимости установления языковых средств, выполняющих роль ее маркеров. Не менее актуальной темой в содержательном, формальном и структурном отношении является использование непроверенной информации в качестве мощного средства манипулирования массовым сознанием [Чанышева 2012].

Признание за слухами статуса особой формы коммуникативного поведения, обладающего характеристиками «инонормы», по выражению Г. Г. Почепцова [Почепцов 1998], не снимает задачи исследования ее специфики. В рамках данной публикации хотелось бы остановиться на технологическом компоненте языкового оформления слухов, с тем чтобы выявить дискурсивные практики, нацеленные на распространение непроверенной, а порою и заведомо ложной информации. Материалом для анализа служат статьи

из качественной англоязычной прессы Великобритании и США, методами — семантический анализ в дефинитивном варианте, дискурсивный анализ, контекстуальный анализ, когнитивный анализ, лингвокультурологический анализ. Предлагаемый подход к продукции дискурса, основанного на непроверенной информации, базируется на учете при анализе двух аспектов в связи с тем, что слухи рождаются и циркулируют в определенном культурном коллективе. Их анализ может быть успешным лишь в контексте языка и культуры, поскольку так можно выявить прагматическую интенцию автора. Цель лингвистического анализа заключается, в частности, в установлении специфики языковых средств, имеющихся в языке и облегчающих процесс упаковки ложной информации в удобоваримую форму. Обращение к культурологическому аспекту анонимной информации позволяет выявить такие знаки и таксоны институциональной культуры в политической коммуникации, опора на которые обеспечивает достаточную базу для доверительного общения с адресатом.

К сожалению, слухи как разновидность так называемой косвенной коммуникации остаются в тени при исследовании медийного дискурса, хотя «именно от цели медиадискурса зависит то, в какой **модальности** он находится по отношению к объективной действительности» [Кожемякин 2010] (выделено авторами. — С. И., 3. Ч.). В зарубежной дискурсологии проблема истинности/ложности информации некоторыми исследователями вообще снимается с повестки дня, так как, поскольку «истина недостижима, то бесполезно спрашивать, является ли что-то истинным или ложным» [Филлипс, Йоргенсен 2004: 33]. Отмечая крайность подобного мнения, не разделяемого другими учеными, нельзя не согласиться с призывом авторов изучать то, как создается эффект «истинности» информации, участвующей в создании дискурсивной картины мира. В когнитивном аспекте анонимную информацию также необходимо анализировать в более широком контексте, как связанную не столько с отражением, сколько с объяснением, толкованием, оцениванием и прогнозированием описываемых событий. Наконец, самым важным качеством любой косвенной информации является ее активное участие в создании смыслового пространства текста. Как известно, любой чужой текстовый фрагмент или цитата, попадая в интертекстуальное пространство, приобретает вторую жизнь и, в зависимости от установки автора, цели дискурса, конкретных условий контекста, может подвергаться существенным смысло-

вым модификациям вследствие неточности в передаче — от несущественных искажений сообщаемой информации до придания ей прямо противоположного смысла. При этом при умелой подаче автором анонимной информации осуществляется не прямое, агрессивное, а завуалированное управление сознанием адресата, т. е. его знаниями, суждениями, ценностями, идеологией, а также эмоциями и настроением. Тем самым обеспечивается главная цель СМИ: управление массовым сознанием через публичный дискурс означает управление действиями адресата [Чудинов 2007: 71; Dijk 2008].

С целью преднамеренного искажения объективного положения дел автор сообщения, работающий в СМИ, прежде всего сталкивается с задачей производства особого дискурса, обладающего набором текстуальных критериев, связанных с опорой на стереотипные модели подачи такой информации. Несмотря на признание бесспорной значимости личностного фактора, проявляющегося в авторском мастерстве облекать непроверенную информацию, а подчас и прямую ложь в искусную и правдоподобную форму, важно учитывать несколько факторов, благодаря которым данные модели подачи неverified информации приобретают свойство технологичности. Представляется, что, во-первых, необходимо выделить языковые факторы, т. е. специфику, характер, грамматический строй и лексико-семантические ресурсы того или иного языка, которые заметно облегчают выполнение указанной установки в речевой практике. Таким образом можно будет выделить дискурсивные практики, связанные с особенностями структуры языка. Во-вторых, необходимо выделить ряд практик, связанных с жанровыми особенностями массмедийного текста. В-третьих, целесообразно обратиться к целому тексту, чтобы проследить за процессом развертывания информации и сменой модальных планов (соответственно следует обратить внимание на текстовые категории информативности и модальности), что позволит говорить о реализации дискурсивных практик на текстовом уровне.

Для подтверждения предположения о нескольких уровнях подачи неverified информации обратимся к медийному дискурсу, прежде всего для установления наиболее популярных основанных на языковых ресурсах стратегий создания текста, типичных для англоязычных изданий.

По нашим наблюдениям, английский язык обладает широким системным диапа-

зоном разноуровневых средств оформления непроверенной информации. В данном случае, помимо специфики системы, необходимо учитывать действие дискурсивных факторов, в частности связанных с практикой использования языковых средств для выражения категории модусной модальности, включающей такие важные параметры коммуникации, как авторство и эвиденциальность. Данные параметры связаны с характером указания на источник сообщаемых сведений, который может обозначать эксплицитированный/имплицитный, прямой/косвенный, личный/опосредованный доступ к информации. Исходя из указанных свойств, эвиденциальность анонимной информации состоит в том, что ее можно представить как получаемую от имплицитируемого непрямого (косвенного) и опосредованного источника. Наблюдения за средствами подачи анонимной информации в политической коммуникации позволяет выделить три их основных вида: основанные на 1) слухах *per se*, 2) пересказывательности и 3) инференциальности информации.

С культурологической точки зрения есть все основания говорить о многих англоязычных изданиях как о создающих особую культуру в обществе — так называемую «культуру политического скандала». По мнению американских социологов, эту культуру можно представить сегодня как феномен, способный к саморазмножению и самовоспроизводству (*“self-replicating”, “self-reproducing”*). Журналисты и исследователи, работающие в данной сфере [Gelfert], полностью оправдывают использование слухов в СМИ, поскольку, по их мнению, слухи помогают отслеживать новую информацию и представляют собой проявление естественного человеческого любопытства. Более того, существует точка зрения, согласно которой в позитивном ключе могут рассматриваться даже слухи негативного содержания, ибо они служат своего рода лубрикантом в процессе социального взаимодействия людей [См.: Singal 2012]. Представляется, что данный феномен тесно связан с созданием на базе СМИ анонимного дискурса, т. е. дискурса, в рамках которого приемлемыми считаются материалы, основанные на не имеющих установленного авторства сведениях.

Наиболее очевидной формой оформления слухов в анонимном дискурсе являются лексические единицы. Судя по авторитетным словарям, английский язык располагает хорошо развитой системой лексических единиц, обозначающих данный вид информации. Способы подачи непроверенной информации могут различаться не только сте-

пенью указания на подобную информацию, но и мерой смягчения заведомо негативной информации в СМИ (*break the news* — to tell someone some important news, usually bad news; usually said about information that causes sadness or worry). Английские словари приводят достаточно разнообразный список единиц, которые могут быть использованы для оформления анонимной информации: *announce, blab, break the news, breathe, bring word, bruit, bruit about, buzz, canard, chat, circulate, common talk, cry, flying rumor, give a report, give tidings of, gossip, grapevine, hearsay, idea afloat, info, inform, information, intimate, latrine rumor, leak, low-down, make known, mumble, mutter, news, news stirring, noise abroad, on dit, on-dit, pass around, poop, put about, rehearse, relate, report, reveal, roorback, rumble, rumor, say, scoop, scuttlebutt, suggest, susurrations, talk, tattletale, tell, tidings, tittle-tattle, town talk, unconfirmed report, undertone, whisper, write up* [Moby Thesaurus].

Компоненты словарных дефиниций ядерного в этом ряду лексического репрезентанта *rumor* указывают на основные характеристики данного вида коммуникации, которые дополняют упомянутые раньше признаки: *a currently circulating story or report of uncertain or doubtful truth* [ABBY Lingvo X3]; *a piece of unverified information of uncertain origin usually spread by word of mouth; unverified information received from another; hearsay* [The American Heritage Dictionary...]; 1. *information, often a mixture of truth and untruth, passed around verbally*. 2. *gossip or hearsay (in (obsolete) fame or reputation* [Collins English Dictionary]; 1. *talk or opinion widely disseminated with no discernible source*; 2. *a statement or report current without known authority for its truth*; 3. *archaic : talk or report of a notable person or event* [Merriam-Webster]; *information received from other people which cannot be substantiated* [ABBY Lingvo X3].

В приведенных выше дефинициях повторяются следующие компоненты, характеризующие рассматриваемый вид передаваемого сообщения: 1) неидентифицируемость (сомнительность) источника информации; 2) невозможность верифицировать, т. е. подтвердить или опровергнуть, истинность передаваемых идей, предположений, оценок, мнений; 3) сложность в установлении авторства сообщения; 4) как правило, широкая распространенность сведений, относящихся к событиям, персоналиям и фактам, актуальным для текущего времени. Однако наиболее важной языковой характеристикой подачи анонимной информации является, на наш взгляд, смысловая составляющая единиц: за счет коннотативного и

ассоциативного компонентов обеспечивается ее аттрактивность для читателя. Вероятно, именно смысловая нагрузка слухов апеллирует к интеллектуальным способностям людей, осуществляет эмоциональное воздействие, в результате чего люди, находясь в неоднозначной ситуации, объединяются, создавая разумную ее интерпретацию [Шибутани 1999].

В последние годы появились новые формы политических слухов, учитывающие изменения в политике, медийных технологиях и культуре. Их взаимодействие привело к созданию нового вида культуры — *convergence culture*, которая обозначает современную форму сближения культур, в чем-то повторяющую «культуру скандала».

В соответствии с жанровыми особенностями СМИ, структура английского медийного дискурса требует в самом начале указывать на источник информации. Упомянутые лексемы используются в политической информации для оформления абсолютных слухов в наиболее очевидной их форме:

(1) *The Ukrainian economy is mired in deep corruption, with Russia-style oligarchs making enormous fortunes in shady deals — such as those allegedly made ahead of the Sochi Olympics — while the economy fails to offer better prospects* [NYT. 20.02.2014].

(2) *Macmillan's succession was, according to the rumour mill, a 'personal and private effort by the head of the Cecils'* (Collins) [Rumour mill].

(3) *This is not a new rumor, we have heard this before, we all know Batista has trained in Muay Thai in the past and we also recently posted a video of Batista training at the Affliction training center. Batista has used MMA training as a way in the past to stay in shape for his wrestling career and we have heard numerous times he was interested in trying his hands at fighting* [NYT. 20.02.2014].

Выделенные в примерах 1—3 единицы недвусмысленно указывают на то, что сообщаемые сведения являются слухами: так, *allegedly* (пример 1) дефинируется как *said, without proof, to have taken place or to have a specified illegal or undesirable quality* (ср. в русском языке *якобы*). В примерах 2, 3 для передачи новостной информации используется ключевая лексема *rumor*, а также эпистемические глаголы *know* (*we all know*, ср. с рус. *знать*) и *hear* в форме Present Perfect (*have heard of*) в значении *be aware of; know of the existence of* [Oxford Dictionary] (ср. русские *услышать, узнать*). Чрезвычайный интерес вызывает не имеющее эквивалента в русском языке устойчивое выражение *rumour mill* (пример 2), использующееся в англоязычной журналистике для обозначения офи-

циально существующей группы людей, в чью обязанности входит распространение толков, слухов ("the people in a particular place or profession who spread rumours" [Rumour mill]). Приведем другой пример употребления того же устойчивого выражения:

(4) *The Washington **rumour mill** suggests that the president secured his narrow majority only by promising all sorts of concessions* [Там же].

Ко второй группе относим единицы, которые оформляют слухи как относительно достоверные. В подобных случаях автор сообщает об информации, которая, по его убеждению, не является бесспорно недостоверной.

(5) *They wondered where President Viktor Yanukovych, who **reportedly** tried to leave the country Saturday night, had gone* [Black, Almasy, Butenko 2014].

(6) *For eight days after this year's televised event, however, Mr. Karimov disappeared from public view and **a disputed report surfaced** that he had suffered a heart attack on the day of the dance, March 19* [Kramer 2013].

Как явствует из примеров 5 и 6, в данной группе распространены так называемые репортажные глаголы, т. е. глаголы, служащие для передачи чужих слов (ср. русские *передавать, сообщать*), и производные от них существительные (ср. русские *сообщение, репортаж*).

Нередко источником информации является представитель институциональных каналов, хотя, по понятным причинам, он не идентифицирован:

(7) ***A US diplomat** told reporters that the United States would deny visas to about 20 Ukrainian officials considered responsible for, complicit in or responsible for ordering or otherwise directing human rights abuses related to political repression in Ukraine. The diplomat declined to name the Ukrainian officials concerned* [NYT 20.02.2014].

(8) *Angela Merkel should ask Barack Obama to destroy her NSA file when she meets the American president in Washington this week, **a leading German opposition politician** has told the Guardian* [Oltermann 2014].

(9) *During last December's visit to Germany by the US national security adviser, Susan Rice, American officials **reportedly** expressed concerns to their German counterparts that any bilateral anti-spying agreement between the two nations would inevitably trigger similar requests from other countries. "The US is not going to set a precedent," **one German official was quoted as saying**. When Germany's foreign minister, Frank-Walter Steinmeier, and US secretary of state John Kerry met in February, the talk was merely of a future "cyber dialogue"* [Там же].

Для придания сообщаемым сведениям флера официальности авторы упоминают неких (весьма примечательно в данном случае использование английского неопределенного артикля *a* для передачи значения «некий», «один») дипломатов, политиков, чиновников и других официальных лиц (примеры 7—9). С точки зрения создания анонимного дискурса весьма интересен пример 9. В нем содержится двойная отсылка: сначала — на некое неавторизованное германское официальное лицо (*one German official*), а далее на то, что оно, по всей видимости, все же высказалось, так как его слова были процитированы (*was quoted as saying*).

Наконец, анонимная информация может быть оформлена как вполне достоверная, когда она поступает по официальным каналам со ссылками на авторитетные периодические издания, правительственные органы и т. д.

(10) *So far, the US government has refused to allow Merkel access to her NSA file or answer formal questions about its surveillance activities, **a recent query to the German Bundestag has shown**. According to a report in German magazine *Der Spiegel*, the NSA kept more than 300 reports on Merkel in a special heads of state databank* [Там же].

(11) *The Ukrainian president had repeatedly pledged not to use force against protesters. **According to The New York Times**, he changed his mind after meeting with Putin in Sochi* [Ghitis 2014].

В примере 10 передаваемую информацию подкрепляют ссылки на опрос, проведенный недавно бундестагом, и сообщение в германском издании «Шпигель». В примере 11 автор оформляет сообщение, отсылая читателя к американской газете «Нью Йорк Таймс».

Характер достоверности сообщению придает и использование пунктуационных знаков цитирования.

(12) *"The United States view — and I believe this view is shared by our European allies and partners — is that the only viable route back to sustainable economic health for Ukraine goes through the I.M.F.," **said a senior state department official speaking on the condition of anonymity on Friday*** [Higgins 2014].

(13) *A Home Office spokesperson told the Guardian that "we do not deport anyone at risk of persecution because of their sexuality". That would be news to **Jacqueline Nantumbwe**, a gay asylum seeker whom the Home Office wants to deport back to Uganda, where the crime of homosexuality carries a life sentence* [Penny 2014].

Весьма примечателен в свете проблемы передачи неverified информации пример 12, в котором, с одной стороны, содержится завышенная цитата, чем подчеркивается подлинность информации и точность передачи чужих слов, а с другой стороны, сопровождающие цитирование слова: «...как сообщил высокопоставленный чиновник на условиях анонимности» (здесь и далее перевод наш. — С. И., 3. Ч.).

Наибольший интерес представляет характер дискурсивного развертывания анонимной информации, в ходе которого подключаются разноуровневые средства языка. Варианты их комбинирования определяются выбором модели развертывания информации: 1) либо по принципу камуфлирования недостоверной информации за счет последовательного придания слухам характера достоверного сообщения, 2) либо по принципу поэтапного развертывания модальности предположения за счет подключения системы разноуровневых средств субъективно-модальных значений.

Рассмотрим структуру производства анонимного дискурса с применением процедур, применяемых в рамках первой модели в англоязычной периодике. Для английского языка характерно широкое использование грамматических средств, включающих ряд наиболее популярных форм. С точки зрения частотности использования обращает на себя внимание активное подключение наиболее приспособленных для рассматриваемых сообщений пассивных конструкций, не требующих заполнения агентивной позиции. По данным авторитетных грамматик английского языка, именно на долю таких структур приходится значительное число употреблений в новостных сообщениях (в соответствии с данными академического издания «Longman Grammar of Spoken and Written English», по количеству пассивных конструкций новостной дискурс лишь немногим уступает жанру научной литературы [Biber et al 1999: 476]). Другим действенным средством оформления анонимной информации является формальное подлежащее, так называемое пустое подлежащее (empty subject), которое употребляется, когда деятель не важен или неизвестен [Eastwood 2002: 104], а также английский неопределенный артикль, с помощью которого журналист легко может уйти от проблемы реального авторства сообщения, не навлекая на себя обвинения в том, что информации лжива или сфабрикована.

(14) *If anything, Washington and the EU have failed to offer as much backing as they should. Their disagreements have been aired publicly in*

embarrassing leaked recordings — although they are not verified [Ghitis 2014].

В данном примере пассивная конструкция (*they are not verified*) оформляет мысль о том, что телефонные записи переговоров чиновников США и ЕС, преданные огласке в результате утечки информации (*leaked recordings*), не нашли полного подтверждения. Совершенно естественно возникает вопрос: подтверждения с чьей стороны? Однако пассивная конструкция дает возможность опустить деятеля, сосредоточившись на действии и на объекте действия.

Значительная смысловая нагрузка приходится на средства коммуникативной модальности, которая позволяет варьировать разные оттенки предположения (от допустимости возможного до разных степеней вероятности сообщения).

(15) *Fears of a major regional conflict in Crimea pitting Russia against the West intensified on Thursday after pro-Russian gunmen seized the regional government and parliament building in a well co-ordinated military operation, while similar groups were on Friday morning controlling access to the airports of Simferopol and Sevastopol* [Salem, Walker, Harding 2014].

К контекстуально экспрессивно-оценочным единицам (о динамике оценки и способности лексических единиц приобретать экспрессивную оценочность см.: [Якушина 2003]) *fears* (ср. русские *страхи*, *опасения*) и *pit against* (ср. русские *выставлять (животных на ринг)*, *сразиться*, *меряться силами*; *бороться*, *противостоять*, *противопоставлять* (кого-л. кому-л.), *сводить как соперников* [ABBY Lingvo X3], в данном контексте — буквально «усилились опасения относительно того, что крупный региональный конфликт в Крыму противопоставит Россию Западу») автор статьи в дальнейшем (см. пример 16) подключает цепочку фактуальных усилителей реальности описываемого (*reportedly* — как передают, *witnesses* — свидетели, *Russia Today described* — «Агентство „Russia Today“ описало 50 вооруженных людей как...», *The AFP news agency said* — «Агентство новостей „Франс Пресс“ передавало»), при этом заключая их в модальные рамки условно непроверенных сведений.

(16) *Early on Friday morning about 50 armed gunman reportedly marched into Simferopol's airport after arriving in Kamaz trucks. They first cordoned off the domestic terminal and then moving on to other areas. Russia Today described them as similarly dressed and equipped to the “local ethnic Russian ‘self-defence squads’” that seized the parliament and government buildings. Witnesses said the men at the airport were bearing Russian navy flags.*

The AFP news agency said the airport was operating as Friday dawned, with passengers checking in for flights [Salem, Walker, Harding 2014].

Следующий пример показывает использование иной дискурсивной практики в процессе конструирования смысла и, следовательно, построения возможной социальной реальности. Фрагмент взят из статьи *Vladimir Putin hints that he could return to lead Russia until 2024* [Vladimir Putin hints that he could...], опубликованной в «The Times» еще в 2009 г. Вся статья, начиная с заголовка, является примером дискурсивного развертывания модальности возможности и придания высказанному предположению статуса реальности. Прежде всего обращает на себя внимание сам заголовок, согласно которому Владимир Путин лично признался в намерении сохранять за собой президентские полномочия вплоть до 2024 г. При этом автор снимает с себя ответственность за собственную инференцию, употребляя глагол *hint* (ср. русское *намекать*): «Владимир Путин намекает, что может возглавить Россию до 2024 года». Однако на самом деле при внимательном знакомстве со статьей выясняется, что данная формулировка далека от реальной действительности, так как речь идет о том, что бывший в то время премьер-министром Владимир Путин высказался об имеющейся между ним и Дмитрием Медведевым договоренности о выдвижении кандидатур на президентские выборы 2012 г. Срок (до 2024 г.) является полным домыслом автора (Richard Beeston), его собственным инференциальным высказыванием, которое журналист тем не менее поместил сразу же после ссылки на слова В. В. Путина о том, что тот собирается вернуться в Кремль.

(17) *Vladimir Putin has given his strongest hint yet that he is considering a return to the Kremlin, a move that could allow the combative Russian leader to stay in power until 2024* [Vladimir Putin hints that he could...].

В процессе развертывания информации автор развивает идею сконструированной им самим возможной реальности таким образом, что она обрастает деталями, и соответственно возможное уже мыслится как действительное. Формы глагольных наклонений (изъявительное наклонение: *has given his strongest hint* — *высказал весьма определенный намек* и *is considering a return to the Kremlin* — *рассматривает возможность возвращения в Кремль*, косвенное наклонение для передачи возможности *could*) и модальные глаголы (в данном случае *could allow* — *может позволить*) оказываются соположенными таким образом, что трудно

различить грань между возможностью и реальной действительностью. По такому же принципу построено и следующее предложение (пример 18), в котором модальность возможности, переданная модальными глаголами, и изъявительное наклонение перемежаются таким образом, что, по сути, действительное оказывается встроено в возможное или возможное порождает действительное:

(18) *If the men complete this revolving-door manoeuvre Mr Putin could, in theory, be in power until 2024, when he would be 72. Although that is a decade older than most Russian men live, Mr Putin looked fit, alert and certainly confirmed what everyone in the country already knew — that he remains the real power in the land* [Там же].

Далее совершенно незаметно для читателя происходит переход к модальности действительности:

(19) *The prospect of Mr Putin dominating politics for another decade and a half will shock the liberal minority in the country where, under his rule, human rights and freedom of speech have been curtailed.*

It would cause concern across Russia's borders, where the Kremlin is in open dispute with Ukraine and Georgia, which is still suffering the effects of its war with Russian forces last year.

Many Russians, however, would be delighted with the prospect of having the most popular post-communist politician leading the country. Mr Putin is credited with restoring self-respect, rehabilitating the economy and restoring order after the chaos of the 1990s [Там же].

Суть авторских утверждений в примере 19 сводится к тому, что перспектива доминирования В. В. Путина в российской политике в последующие пятнадцать лет ужасает либеральное меньшинство. Более того, это породит озабоченность и за пределами российских границ в связи с тем, что Украина и Грузия и сейчас страдают от последствий военных действий с российской стороны. Между тем, рассуждает автор, многие в России были бы довольны таким положением дел, поскольку В. В. Путин связывается в сознании многих граждан России с возвращением чувства самоуважения, а также с возрождением российской экономики после хаоса 1990-х гг. Вероятностный сценарий подробно выписывается автором, при этом даже искушенный читатель не успевает следить за сменой модальных планов. Автором задействованы все средства передачи модальности возможности, начиная от лексики *prospect* (ср. русские *перспектива*, *вероятность*, *возможность*), которая закреп-

ляется рядом форм грамматической косвенной модальности (*would cause* — *стало бы причиной, породило бы, would be delighted* — *были бы довольны*) и посредством использования модального глагола *will*, одним из значений которого является прогноз на основе закрепившейся привычки. Грамматисты подчеркивают, что в этом значении конструкция *will* с глаголом приравнивается к настоящему [См.: Eastwood 2002: 101]. Допуская данную возможность, автор уже переходит к развитию идеи озабоченности, которую разделяют различные политические силы по поводу возможного положения дел. В результате наличие политической власти у В. В. Путина до 2024 г. преподносится читателю уже не как возможность, а как действительность. Таким образом, налицо основанная на инференциальности дискурсивная практика конструирования реальности, которая подкрепляется языковыми грамматическими и лексическими средствами, ответственными за передачу модальных значений.

Игра с модальностью возможности, предположения и действительности заполняет пространство не только аналитических материалов, но и новостных статей. Так, в статье *Rumors About Uzbekistan Leader's Health Set Off Succession Debate* [Kramer 2013] («Слухи о здоровье главы Узбекистана породили споры о преемнике») в газете «The New York Times» от 6 апреля 2013 г. автор пускается в догадки относительно руководства Узбекистана в связи с возможной смертью руководителя этой страны. Обращает на себя внимание уже само название статьи, которое содержит слово *rumors*. Автор сообщает о возможной смерти 75-летнего Ислама Каримова, главы Узбекистана, поскольку его исчезновение из публичного пространства после празднования Навруза породило многочисленные слухи о состоянии здоровья лидера страны. Стимулом для слухов стал лихой танец главы государства на празднике (*The president of Uzbekistan, a white-haired man in a suit, rose from his seat at an annual spring festival and swung his hips, clapped his hands and danced a vigorous little jig*) и его возможные смертельные последствия для уже не молодого человека. Смысл заголовка подкрепляется и надписью под фотографией политика: *There was a disputed report that Mr. Karimov, 75, had suffered a heart attack.* — *Появилось оспариваемое (спорное) сообщение, что 75-летний Каримов перенес сердечный приступ.* Уже во втором абзаце статьи автор развивает неподкрепленную официальными данными новость о сердечном приступе И. Каримова (*disputed report surfaced* — *всплыло оспари-*

ваемое сообщение): *For eight days after this year's televised event, however, Mr. Karimov disappeared from public view and a disputed report surfaced that he had suffered a heart attack on the day of the dance, March 19.* Буквально в следующем предложении вводится лексема *possibility*, усиленная оценочным прилагательным, и модальный глагол *could*, служащий выражению предположения: *The heightened possibility that a leader who has been in power for more than two decades could suddenly die in office underscored the uncertain politics of succession in Uzbekistan.* — *Усиленная вероятность того, что лидер, который находится у власти более чем два десятилетия, может неожиданно умереть, высвечивает смутную политическую линию относительно выбора преемника в Узбекистане.* Автор не только всячески манипулирует слухом — он признается, что в своих рассуждениях исходит из знаков, симптомов: *State television broadcast archival footage of the leader, never a good sign* (в данном случае прочитывается подтекстовая информация — в информационно закрытом обществе люди умеют «читать» между строк: то, что телевидение показывает архивные съемки главы страны, никогда не было для общественности хорошим знаком). Однако после признания автора в том, что он полагается на политическую симптоматику и доверяется политической интуиции общества, далее, при рассуждении о возможных преемниках, журналист уже переходит к изъясительному наклонению, заявляя, что старшую дочь Гульнару Каримову рассматривают как главную фигуру в развернувшейся, по словам аналитиков, борьбе преемников за власть: *His oldest daughter, Gulnara Karimova, 40, is seen as a leading figure in what some analysts say is a succession struggle already under way.* Однако глагол в изъясительном наклонении используется в пассивной конструкции (*is seen* — *рассматривается, ее видят*). Кроме того, высказывание содержит ссылку на неназванный источник (*analysts* — *аналитики*), который введен посредством неопределенного местоимения (*some* — *некоторые*). Таким образом, возможность приобретает очертания действительности, а действительность неотделима от возможности.

При подаче новостного материала автором задействованы все жанровые ресурсы, а также наличествующие средства лексико-грамматической системы: *Uzbek exiles* (кто именно?) *reported* (лексическая семантика данного глагола дает возможность использовать его для передачи «чужих» слов) *political paralysis, citing* (еще один глагол, специали-

зированной на передаче чужой речи) *people inside the government* (неавторизованный источник, который вместе с тем позволяет намекнуть на доступ к конфиденциальной информации). Следующее предложение автор начинает со слова *rumor*, но переходит к обсуждению того, чем возможные последствия могут обернуться для тридцатимиллионной страны, обыгрывая модальные смыслы и таким образом реализуя текстовую категорию модальности, совмещающую объективную и субъективную модальность.

(20) *The rumors in the nation of 30 million people highlight a broader, looming political quandary in former Soviet states from Russia to Tajikistan, where the absence of real elections has meant that succession becomes an unpredictable, hair-raising event.*

Пример 20 изобилует как лексическими единицами с отрицательной оценочной семантикой, так и коннотативно нагруженными лексическими единицами: *looming* (согласно словарю «Collins» — *If something looms over you, it appears as a large or unclear shape, often in a frightening way* [Rumour mill], ср. русские переводы *грозящий, надвигающийся*), *unpredictable* (ср. русское *непредсказуемый*), *hair-raising* (ср. русские *внушающий страх, жуткий*), *quandary* (ср. русское *затруднение*). Все данные лексико-семантические средства способствуют передаче субъективной модальности, связанной с негативным восприятием описываемого: слухи, которые распространяются среди тридцати миллионов жителей, высвечивают более значимую угрозу, которая стоит перед всеми бывшими советскими республиками от России до Таджикистана: отсутствие реальных выборов означает, что выбор преемника превращается в непредсказуемое, устрашающее событие. Спекуляции на слухе развиваются далее: автор использует форму Future Simple — в данном контексте в значении предсказания будущего, — утверждая, что нет ясности относительно того, будет ли преемник выбран по династическим соображениям, как в Северной Корее, или власть перейдет к одному из членов правительства: *It is unclear now whether it will have a dynastic succession with the rise of a leader's child, as in North Korea, or whether power will pass to a government insider.* Развивая гипотезы о здоровье или нездоровье Ислама Каримова, о его возможных преемниках, ссылаясь на «людей из правительства» или «людей, приближенных к правительственным источникам», автор не может не использовать и специальные «репортажные» конструкции, например Complex Subject (в русском языке конструкция подобного ро-

да отсутствует и передается посредством неопределенно-личных или безличных предложений типа *говорят / говорится, что...*), которые позволяют вводить чужую речь без ссылки на конкретное лицо, предоставившее информацию: *But the reputed Western-leaning candidate, Rustam Azimov, a deputy prime minister and former banker, is said to have wide support in Tashkent, the capital.*

Статья заканчивается, как и началась, предположениями. Завершающее сверхфразовое единство изобилует всеми лексико-грамматическими маркерами модальности возможности, что, помимо прочего, подкрепляется и оценочными средствами: *One important indicator of the veracity of the disputed report may come in mid-April, when Mr. Karimov is reportedly scheduled to visit President Vladimir V. Putin of Russia in Moscow. If he cancels the trip, it will raise more suspicions.* — *Один важный показатель правдоподобности оспариваемого сообщения может появиться в середине апреля, когда, как передают, г-н Каримов должен, согласно договоренности, посетить в Москве президента России В. Путина. Если он отменит поездку, это вызовет еще больше подозрений.*

Анализ обеих статей показывает, как журналисты мастерски используют технологию передачи неverified информации, базирующуюся на текстообразующих возможностях категории модальности. Фрейм объективной модальности позволяет автору осуществлять сдвиг модальных планов посредством плавных множественных переходов от модальности возможности и предположения к модальности действительности. Субъективная модальность допускает оценочность и, следовательно, передачу личностного отношения автора к сообщаемому. Наряду с категорией модальности, своеобразно проявляет себя и категория информативности текста, которая в анонимном дискурсе предполагает развертывание чужого высказывания о якобы фактуальной информации. В результате развертывания категорий информативности и модальности текста автор добивается передачи необходимой концептуальной информации.

Очевидно, используемые в качестве эффективного коммуникативного механизма слухи в массовой коммуникации приобретают качества, многократно повышающие их манипулятивно-суггестивный потенциал, поскольку они демонстрируют такие свойства, как 1) целенаправленность распространения, 2) злободневность тематики, 3) речевое воздействие, 4) использование богатейшего репертуара языковых средств.

Нельзя не согласиться с Т. М. Николаевой в том, что с точки зрения массового феномена анонимные высказывания обладают многими признаками коммуникативных стереотипов, включая свойства мультипликации, неопределенности, преувеличенности и т. д., поддерживаемые особыми лингвистическими средствами [Николаева 2000]. Вместе с тем анализ эмпирического материала показывает, что работающие в массмедиа журналисты целенаправленно пользуются технологией распространения неподтвержденной информации. Технологии распространения слухов как непроверенной, а порою и заведомо ложной информации включают создание анонимного дискурса, т. е. дискурса неподтвержденных данных. Автор такого рода материала может прямо признаться в использовании слухов, прибегая к лексемам, выражающим данное понятие. Если же автор стремится хотя бы внешне соблюсти ту или иную степень достоверности, основными чертами анонимного дискурса становятся ссылки на неназванные источники, что выражается в своеобразной «пересказывательности»; авторские инференции, которые «соседствуют» с фактуальной информацией; игра с модальными планами, включающая переходы от модальности возможности к модальности действительности. Использование данных технологий опосредуется лексико-грамматическими ресурсами языка, жанровыми особенностями массмедийного дискурса, который допускает и даже поощряет такого рода ссылки, а также возможностями информационного развертывания текста.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что на общем фоне снижения качества массовой продукции усиление «желтизны» прессы происходит благодаря растущим объемам «черного рынка» недостоверной информации, которая полноправно начинает циркулировать в массмедийном дискурсе, будучи умело запущенной полит- и ньюстехнологиями. Слухи в прессе являются сегодня важным инструментом мифотворчества, чем подтверждается мысль Р. Барта о том, что миф — «это не пережиток архаического сознания, а огромная часть современной культуры» [Барт 1994], в том числе культуры политической и медийной.

ИСТОЧНИКИ

1. *ABBY Lingvo X3* : электр. данные с программой. / ABBYY. 2008.
2. *Black P., Almasi S., Butenko V.* A new day in Ukraine: Political uncertainty sweeps divided nation // CNN. 2014. 23 Feb. URL: <http://www.cnn.com/2014/02/23/world/europe/ukraine-protests/> (дата обращения: 24.02.2014).

3. *Collins English Dictionary*. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 24.03.2014).

4. *Ghitis F.* 'New' Russia in Sochi: Same old Russia in Ukraine // CNN. 2014. 20 Feb. URL: <http://www.cnn.com/2014/02/19/opinion/ghitis-ukraine-sochi/> (дата обращения: 22.02.2014).

5. *Higgins A.* With President's Departure, Ukraine Looks Toward a Murky Future // The New York Times. 2014. 22 Feb. URL: http://www.nytimes.com/2014/02/23/world/europe/with-presidents-departure-ukraine-looks-toward-a-murky-future.html?_r=0 (дата обращения: 24.02.2014).

6. *Kramer A. E.* Rumors About Uzbekistan Leader's Health Set Off Succession Debate // The New York Time. Asia Pacific. 2013. 6 Apr. URL: <http://www.nytimes.com/2013/04/07/world/asia/rumors-set-off-succession-debate-in-uzbekistan.html> (дата обращения: 22.04.2014).

7. *Merriam-Webster*. URL: <http://www.learnersdictionary.com/> (дата обращения: 22.03.2014).

8. *Moby Thesaurus*. URL: <http://englishtips.org/1150798577-moby-thesaurus.html> (дата обращения: 20.03.2014).

9. *NYT = The New York Times*. URL: <http://www.nytimes.com/> (дата обращения: 21.02.2014).

10. *Oltermann P.* Merkel urged to press Obama on NSA scandal ahead of Washington talks // The Guardian. 2014. 27 Apr. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/apr/27/merkel-obama-nsa-scandal-washington-talks> (дата обращения: 28.04.2014).

11. *Oxford Dictionary (En-En)* // ABBYY Lingvo X3 : электр. данные с программой. / ABBYY. 2008.

12. *Penny L.* Less homophobic than Russia? It's not something to give yourself a medal for // The Guardian. 2014. 13 Feb. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/feb/13/less-homophobic-russia-sochi-medal-lgbt>.

13. *Rumour mill* // English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/rumour-mill> (дата обращения: 22.02.2014).

14. *Salem H., Walker S., Harding R.* Conflict fears rise after pro-Russian gunmen seize Crimean parliament // The Guardian. 2014. 28 Feb. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/feb/24/ukraine-crimea-russia-secession> (дата обращения: 24.02.2014).

15. *Singal J.* How to fight a rumor // Boston.com. 2008. 12 Oct. URL: http://www.boston.com/boston_globe/ideas/articles/2008/10/12/how_to_fight_a_rumor/?page=full (дата обращения: 25.04.2014).

16. *The American Heritage Dictionary of the English Language*. URL: <http://americanheritage.yourdictionary.com/> (дата обращения: 20.03.2014).

17. *Vladimir Putin* hints that he could return to lead Russia until 2024 // The Times. URL: <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/europe/article6831459.ece> (дата обращения: 12.09.2009).

ЛИТЕРАТУРА

18. *Барт Р.* Миф сегодня // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс : Универс, 1994. С. 72—130.

19. *Иванова С. В.* Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. 2008. № 24. С. 29—33.

20. *Иванова С. В., Сподарец О. О.* Реализация стратегии субъективизации в структуре новостного политического дискурса СМИ // Политическая лингвистика. 2010. № 3. С. 71—75.

21. *Кожелякин Е. А.* Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. : Гуманитарные науки. 2010. Вып. 11. № 2 (73). С. 13—21.

22. *Николаева Т. М.* Речевые, коммуникативные и ментальные стереотипы: социолингвистическая дистрибуция // Язык как средство трансляции культуры. — М. : Наука, 2000. С. 112—132.

23. *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации. — М., 1998. URL: <http://www.nir.ru/socio/articles/poch.htm> (дата обращения: 12.02.2014).

24. *Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В.* Дискурс-анализ. Теория и метод : пер. с англ. — Харьков : Гуманитарный центр, 2004.

25. *Чанышева З. З.* Суггестивный эффект знаков лингвокультуры в медиакommunikации // Вестн.

Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Сер.: Филология. 2012. № 3, т. 1. С. 140—148.

26. *Чудинов А. П.* Политическая лингвистика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. — М. : Флинта : Наука, 2007.

27. *Шибутани Т.* Социальная психология. — Ростов н/Д : Феникс, 1999.

28. *Якушина Р. М.* Динамические параметры оценки (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2003.

29. *Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E.* Longman Grammar of Spoken and Written English. — Longman Pearson Education Limited, 2000.

30. *Dijk van T. A.* Introduction: Discourse and Domination // Discourse and Power / T. A. van Dijk. — N. Y. : Palgrave Macmillan, 2008. P. 1—26.

31. *Eastwood J.* Oxford Guide to English Grammar. — Oxford Univ. Pr., 2002.

32. *Gelfert A.* Coverage Reliability, Epistemic Dependence, and the Problem of Rumor-Based Belief. URL: <http://www.academia.edu/2141621/Coverage-Reliability-Epistemic-Dependence-and-the-Problem-of-Rumor-Based-Belief#> (дата обращения: 25.04.2014).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.